

ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

© 2012 г. Ю. Ю. Ли

Южно-Российский государственный технический университет (НПИ)

В статье раскрываются процессы модернизации социальной структуры китайского общества в результате осуществления политики «реформ и открытости». Раскрываются динамика, воздействующие факторы и направления сокращения численности сельского населения, изменения сфер его занятости, формирование новых социальных слоев и поляризация доходов новых страт китайского общества. Характеризуются социально-экономические особенности внутрикитайской миграции сельского населения.

Ключевые слова: доходы; закономерность; мигранты; предприниматели; сельские работники; социальное расслоение; страты; стратификационная структура; тенденции; цивилизация.

The article describes some processes of Chinese society's structure modernization, which modernization is a result of implementing the policy of «reform and openness». The dynamics, affecting factors and the direction of reducing the countryside's population, changing the spheres of its employment, appearing of new social strata and income polarization of the Chinese society's new strata are also examined. Some of social and economic features of the countryside population's migration within China are characterized.

Key words: income; law; workers; entrepreneurs; rural workers; social stratification; strata; stratification structure; trends; civilization.

Практика общественного развития с очевидностью показывает, что социальная структура целиком и полностью определяется типом цивилизации. Например, аграрному обществу соответствует пирамидальная структура, основанием которой выступает крестьянство. Переход к индустриальной стадии цивилизации приводит к постепенному сокращению численности сельского населения и увеличению численности городского населения, в первую очередь рабочего класса, занятого в сфере промышленного производства. Равным образом можно полагать, что вступление в стадию информационного общества должно увеличить численность социальных слоев, занятых в сфере производства информации, людей с высшим образованием, которое станет массовым явлением, инженеров, программистов, ученых. Правда, сегодня мы видим, что в странах, ушедших вперед по

пути информатизации всех сторон жизни общества и индивидов, его составляющих, наиболее быстро возрастает в процентном выражении численность групп населения, занятых в сфере торговли и услуг. Но есть и примеры таких обществ, как Япония и Южная Корея, где уже сейчас ставится вопрос о переходе к всеобщему высшему образованию.

Результатом этого процесса является изменение социальной структуры, большую часть которой в развитых странах представляют индивиды, занятые в сфере услуг, торговли, информационных технологий, организации экономической деятельности, бухгалтерского учета и аудита. «Белые воротнички» стали основным компонентом социальной структуры притом, что численность непосредственных производителей в сфере промышленности неуклонно сокращается, да и само трудоемкое промышленное производст-

во все больше переносится в экваториальный и субэкваториальный ареал с дешевой рабочей силой и относительно невысокой квалификацией. Социальная структура, представленная в виде доходных страт с одновременным учетом сферы занятости, приобретает форму оливковой косточки.

Вступление цивилизации в информационную стадию развития естественно не одномоментный процесс, и осуществляется он неравномерно. Тем не менее, поскольку он происходит параллельно экономической глобализации, то вместе с включением локальных обществ в глобальную экономику они вступают и в стадию информатизации.

В этом отношении Китайская Народная Республика являет собой уникальный, но, надо полагать, не единственный пример, который будет в последующем повторен многократно. Страна не прошла путь классического развития, показанный Европой и США — через индустриальную стадию к информационной стадии. В настоящее время социальная структура китайского общества сохраняет пирамидальный вид, характерный для аграрного общества, но наблюдается четко выраженная тенденция уменьшения крестьянского слоя населения.

На первом-втором этапах реализации политики «реформ и открытости», когда сельскохозяйственные коллективы получили свободу инициативы, наряду с основным «водоразделом» социальной дифференциации между ними, зависимым от многих факторов, начиная от природных условий и заканчивая предпринимательской хваткой их руководителей, стали проявляться и другие черты. Во многих крестьянских поселениях возникли предприятия по переработке на местах сельскохозяйственной продукции, что привело к возникновению слоя «сельских рабочих коллективных предприятий», доходы которых несколько превышали уровень доходов, извлекаемых из коллективных крестьянских хозяйств. По большей части на этих предприятиях были заняты члены тех же крестьянских семей, поэтому дифференциация между уровнем доходов различных семей, проживающих в одной местности, оказалась незначительной. Однако сам факт наличия заработной платы на таких предприятиях привлекал на них «сельских рабочих» из других поселе-

ний, что вело к развитию в целом социальной дифференциации на селе.

С другой стороны, по уровню получаемых доходов руководители сельских коллективов выделились из общей массы, тем более что либо они сами, либо члены их семей или их родственники стали руководителями и сельских коллективных предприятий перерабатывающей сельхозпродукцию промышленности. В этом отношении сдерживающим фактором выступает, конечно, выборность руководителей и, безусловно, то, что они постоянно находятся под контролем общественного мнения, которое препятствует быстрому социальному расслоению. Однако параллельно с этим возникают и частные, чаще всего, коммерческие структуры, созданные на накопленные за счет данного начального социального расслоения средства.

Особенно быстрыми темпами социальная дифференциация на селе стала осуществляться с началом третьего этапа реформ, переход к которому осуществился в период 1989–1992 гг. В это время значительно усилился отток сельских работников из деревни, происходящий по разным мотивам [1, с. 78–79].

Одним из основных выступает фактор появления на селе тех технических средств, которые соответствуют уровню информационного общества. Сложность технических устройств и необходимость обеспечения их функционирования создают потребность в новых кадрах и побуждают молодежь к переезду в город для получения высшего образования. Впрочем, и те молодые люди, которые, уйдя из деревни, не включились в процесс получения образования, а также и окончившие высшие образовательные учреждения, но не работающие непосредственно по профилю полученного образования, переходят в сферу торговли и услуг. Причем, многие из них обзаводятся собственным делом. Восемь миллионов предпринимателей сегодня — это молодые люди в возрасте до 30 лет, выходцы из села.

Можно смело прогнозировать, что в ближайшие десять лет более ста миллионов работников сельского хозяйства станут предпринимателями, менеджерами, работниками предприятий урбанистического типа, расположенными, как непосредственно в городе,

так и на селе.

Данный вывод основывается на том факте, что за последние двадцать лет практически не произошло изменения численности промышленных рабочих притом, что объем промышленного производства постоянно возрастает. При сокращении численности работников сельского хозяйства это может означать только одно — Китай решительно идет по общему цивилизационному пути — пути роста занятых в сфере торговли и услуг. С другой стороны, можно утверждать, что после вступления Китая во Всемирную торговую организацию и того интереса к инвестированию, которое было столь явно на третьем этапе реформ (в 2011 г. объем инвестиций составил 116 млрд. долларов), промышленное производство Китая в ближайшее время сокращаться не будет. И этот же фактор является определяющим рост квалификации промышленных рабочих, доля которых в средних доходных слоях общества постоянно увеличивается.

Указанная закономерность, связанная с усложнением производственного процесса и требованием определенного образовательного уровня от работников промышленных предприятий, надо полагать, уже в недалеком будущем приведет к снижению инвестиционной активности, а вместе с ней и к падению прироста валового внутреннего продукта [2, с. 105–107].

Средний слой общества состоит из двух частей: первая — традиционно понимаемая как средний слой — представлена собственниками частных предприятий, единоличными и зажиточными крестьянами; вторая — специфичный для «социалистической рыночной экономики» средний слой, представлен в значительной мере профессиональными техническими кадрами, директорами, административно-управленческим персоналом, служащими, работниками сферы торговли и услуг. Их принадлежность к среднему слою обеспечена не столько уровнем доходов, сколько уровнем образования и социальным престижем. С началом реформ в Китае средний класс общества стал быстро расти. Например, слой частных предпринимателей численно увеличился уже в период с 1978 по 1999 гг. от «нуля» до 0,6%, слой единоличных собственников — с 0,03% до 4,2%, слой ме-

неджеров — с 0,2% до 1,5% от общей численности населения.

При условии сохранения отмеченной тенденции и даже в случае замедления темпов роста средних слоев общества можно ожидать в ближайшие тридцать лет такого изменения стратификационной структуры Китая, при котором они станут представлять большинство его населения. Данный вывод вытекает из предположения, что функция численного роста средних слоев общества может быть представлена в виде линейной зависимости, которая с наибольшим приближением к истине аппроксимирует действительные значения. Хотя, конечно, можно видеть начальный экспоненциальный характер роста средних слоев общества, но, учитывая последующее неизбежное замедление, такая s-образная кривая будет пересекаться функцией арифметической прогрессии. Поэтому, прогнозируя численный рост средних слоев общества, можно определить коэффициент прироста в процентах как:

$$\frac{18,3 - 2,43}{1999 - 1978} = 0,7557$$

Откуда, считая большинством 50% населения и учитывая прошедшие 13 лет после даты измерения, получаем:

$$\frac{50 - 18,3}{0,7557} - (2012 - 1999) = 29 \text{ (лет)}$$

т. е. к 2041 г. социальная структура Китая будет характеризоваться 50-процентной численностью среднего класса от объема всего общества.

В настоящее время все более заметную роль в экономике наряду с директорским корпусом государственных предприятий и высшим эшелоном государственной администрации начинают играть представители крупного частного бизнеса. В начале 1980-х гг. единоличных собственников в Китае было только 150 000 чел., а частных предпринимателей не было вовсе. При этом официально руководители государственных и коллективных предприятий объявлялись относящимися к рабочему классу. Но уже к концу 1980-х гг. единоличные собственники и частные предприниматели стали одним из самых экономически мощных слоев китайского общества, дифференциация которых привела

к возникновению слоя крупных собственников. Первый частный предприниматель в Китае появился в 1981 г., а уже к концу 2000 г. было зарегистрировано 1 760 тыс. частных предпринимателей в сфере торговли, услуг и промышленности. Причем численность работников промышленных частных предприятий достигла 22,15 млн. чел.

В то же время за последние двадцать лет сложился социальный слой, представленный директорским корпусом крупных, средних и мелких частных предприятий, заводов и фабрик. По уровню получаемых доходов, имеющегося образования, социальных связей и условий жизни их можно считать сильно оторвавшимися от всех прочих слоев населения. Один, но очень характерный пример: погибший недавно главный управляющий компании Jianlong Steel Holding Company ежемесячно получал три миллиона юаней (около 438 тысяч долларов), в то время как пенсия среднего работника Tonghua Iron and Steel Group не превышает 200 юаней в месяц. Этот слой имеет тенденцию расти численно довольно быстрыми темпами, но не пропорционально в региональном измерении. Например, в г. Шэньчжэнь и его окрестностях в 1999–2000 гг. численность частных предпринимателей составляла 3,08%, но слой директоров частных предприятий охватывал 6,15% населения. В г. Хэфэй эти же слои были представлены в пропорции 2,84% и 0,33% соответственно, а в г. Ханьчуань — 0,97% и 1,03% [3, с. 164]. На этом примере видна общая закономерность: чем больше количество частных предпринимателей, тем выше их экономическая активность и тем быстрее идет развитие местной экономики. Однако одновременно выявляется и различие в состоянии и темпах экономического развития и предпринимательской активности в различных районах Китая.

Отмеченное обстоятельство в значительной мере обуславливает горизонтальную мобильность населения страны. В 1993 г. было зафиксировано 70 млн. мигрантов, поменявших место жительства в связи с поиском более доходной работы, а через десять лет, к 2003 г., их количество удвоилось и стало равным 140 млн. человек, т. е. составило более 10% от общей численности населения. При этом главной составляющей миграционного

потока являются выходцы из села — за время реформ село потеряло 30% своей рабочей силы. Естественно, основная масса миграционного потока представлена молодыми людьми в возрасте от 15 до 35 лет — это более 70% мигрантов. Магистральными направлениями миграции выступают: в социальном измерении — движение из села в город, в экономическом измерении — движение из экономически слабо развитых районов в экономически развитые, географически — это движение из центральных и западных регионов в восточные прибрежные районы. В этом отношении чрезвычайно показателен пример Шанхая, где за двадцать лет численность рабочих-мигрантов увеличилась в четыре раза.

Подчеркнем, миграция представляет собой серьезный фактор не только социальной дифференциации населения, но и ее сдерживания, а равно и способ преодоления бедности. В 2005 г. абсолютная черта бедности определялась на уровне годового дохода менее 683 юаней на человека (или 0,3 \$ в день, а по международным меркам — менее 1 \$ в день). Однако в среднем на одного мигранта из села, попавшего в юго-восточный экономический сектор Китая, приходится заработок в 800 юаней в месяц [4, с. 128] (3 500 российских рублей).

Следует учесть значительное влияние конфуцианской морали в целом на китайское общество, в том числе и на тех людей, которые придерживаются других религиозно-этических взглядов и конфессиональных воззрений. Воздействие конфуцианских нравственных установок направлено на поддержку детьми своих родителей и их ответственности за благосостояние старших родственников. Вследствие этого большая часть заработанных мигрантами денег направляется в село к их родственникам. Но даже если только половина доходов мигрантов направляется в деревню, это составляет 4 800 юаней за год, что позволяет пяти родственникам мигранта, оставшимся в деревне, в полтора раза поднять свое обеспечение, решительно перешагнув порог абсолютной бедности.

Однако уже сегодня ряд исследователей отмечает наличие проблемы: миграция позволяет снизить уровень бедности в сельских районах, но в городах она порождает «новых бедных», группы маргиналов, живущих в

неблагоприятных условиях и представляющих собой низший социальный слой городского сообщества. Например, большинство сельских рабочих сельской общины могут считаться находящимися в высокодоходных стратах, но в городе они оказываются отнесенными к низшим стратам общества. По данным выборочного опроса Национального бюро в 2006 г., средняя заработная плата сельских тружеников составляла 966 юаней в месяц (4 231 руб.). В то же время средняя заработная плата рабочих в городе составляла 21 000 юаней в год (около 7 660 российских рублей в месяц), превышая, таким образом, годовой доход сельских рабочих в два раза.

Несмотря на развитие и использование в экономике Китая рыночных механизмов, социалистические принципы администрирования производственно-распределительных процессов сохраняют свое действие. В частности, для сельских районов минимальный размер оплаты труда, установленный правительством, значительно ниже минимального размера заработной платы, установленного для города. Но можно утверждать, что рыночная экономика диктует свои условия, и конкуренция рабочей силы приводит к снижению заработной платы, не считаясь с правительственными постановлениями. Так, в 2004 г. домашняя прислуга в Пекине имела среднюю заработную плату в размере 460 юаней в месяц, хотя для Пекина минимальная заработная плата была определена в 545 юаней [5, с. 91–94].

К тому же имеет место дискриминация мигрантов со стороны работодателей при попустительстве местных властей, несмотря на действующее законодательство, призванное их защищать. Так, только в 2004 г. объем невыплаченной мигрантам заработной платы составил 20 млрд. юаней (2,9 млрд. \$). В том же 2004 г. в Пекине 700 тыс. мигрантам, работавшим на стройках, не была выплачена обещанная заработная плата в размере около 3 млрд. юаней (438 млн. \$).

Важным критерием социальной дифференциации мигрантов выступает наличие у них жилья и его качество. В этом отношении сельские мигранты в городе оказываются в самом худшем положении. Их подавляющее большинство может оплачивать только исключительно дешевое жилье, приобретение

которого во временное пользование может осуществляться в трех формах.

Во-первых, это — предоставление жилья со стороны работодателей. В этом случае нанятые работники не несут расходов на жилье, за исключением коммунальных услуг, если, конечно, они имеются.

Во-вторых, это — аренда по сути нежилых помещений, чаще всего подвалов домов, где отсутствуют какие-либо коммунальные удобства.

В-третьих, это — аренда пригородных бунгало. Данный вариант имеет распространение в юго-восточных районах Китая, где изотерма среднегодовых температур заключена между +18°C зимой и +28°C летом.

Между тем, именно здесь наблюдается наибольшая поляризация населения по критерию занимаемого жилья. Современный город характеризуется растущей строительной активностью, что определено проводимой политикой приватизации жилья. В 2005 г., например, доля жилых домов, находящихся в частной собственности, в приморских городах Китая превысила 82% жилой площади, а это больше, чем в США (68%), Великобритании (67%) и Германии (42%) [6].

В определенной мере правительственная политика в отношении мигрантов нацелена на снижение социальной напряженности и по возможности улучшение их положения в городе. Так, в настоящее время приезжающие в город на заработки обязаны пройти процедуру регистрации, что гарантирует им определенный уровень социального обеспечения. Регистрация распространяет на мигрантов нормы социального обеспечения такие, как минимальное пособие на проживание, страхование по безработице, медицинское страхование, пенсионное страхование, услуги службы занятости населения, ряд общественных услуг, в том числе предоставление социального жилья, предоставление услуг по образованию детей, страхование производственного травматизма, государственные субсидии.

Можно прогнозировать, что по мере индустриализации и урбанизации горизонтальная мобильность населения будет возрастать и достигнет максимума к середине 20-х гг. XXI века, после чего ее темпы резко пойдут на убыль, и установится окончательная про-

порция в объеме 30% населения, занятого в сельском хозяйстве. Предположительно это может произойти, исходя из наличествующей тенденции к 2031 г. Данный прогноз определен следующим обстоятельством. Если в 1978 г. численность сельского населения была равной 82%, а в 2011 г. эту численность за вычетом сельчан-мигрантов принять равной 44%, то коэффициент уменьшения составит:

$$k = \frac{1}{2011 - 1978} \ln \frac{44}{82} = -0,01886$$

из чего следует:

$$t = \frac{1}{-0,01886} \ln \frac{30}{44} = 20 \text{ (лет)}$$

и получается: $2011 + 20 = 2031$ (год).

К этому времени мигранты из села в город утратят отличия от других категорий городских жителей в образе жизни, обретут городскую социальную идентичность и войдут в характерные статусные группы города. Исчезнут различия горожан и мигрантов в сфере занятости, образования, жилья и социального обеспечения, а также и бытовые различия между ними.

Не менее очевидно и то, что экономические успехи Китая, обеспеченные ростом ВВП его восточных и особенно юго-восточных районов, связаны с использованием дешевой рабочей силы мигрантов, согласных работать по 16–18 часов в сутки. Эта самоэксплуатация стала фактором того, что в 16 городах КНР средние темпы роста ВВП превышают темпы роста ВВП в стране. Макси-

мальный размер прироста ВВП здесь составляет 15,3%. Это на 1,2 — 5,5 пунктов выше, чем средний ежегодный прирост валового внутреннего продукта по КНР. Например, ВВП Шанхая составляет 27% от общего ВВП района дельты Янцзы, ВВП восьми городов провинции Цзянсу составляет 43% от ВВП всей провинции.

Литература

1. Шивы В. Исследование по сбалансированному развитию городского населения. — Пекин: Изд-во «Социальные науки», 2008. — С. 78–79.
2. Большаков Д. Прогноз динамики ВВП США и Китая. // Мировая экономика и международные отношения. — 2011. — №4. — С. 104–112.
3. Портяков В. Я. Экономические реформы в Китае (1979–1999 гг.). — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002.
4. Дианьсинь Л. Структура населения Китая. — Пекин: Изд-во «Социальные науки», 2009.
5. Шивы В. Исследование по сбалансированному развитию городского населения. — Пекин: Изд-во «Социальные науки», 2008.
6. Privatized housing impedes cooling efforts. // Asia Times online. — 6 July 2006; reprinted and accessed on Asian Development Bank Institute (ADBI)'s. [Электронный ресурс] / Web site. — Режим доступа: <http://www.adbi.org/enewslne/index>, свободный. — Загл. с экрана.

Поступила в редакцию

14 января 2012 г.

Ли Юань Юань — аспирантка Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Научный руководитель — профессор, д.и.н. А. П. Скорик.

Li Yuan Yuan — postgraduate student at South-Russian State Technical University (NPI). Research supervisor — Ph.D., Doctor of History, professor A. P. Skorik.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 25-51-54; факс: +7 (8635) 25-56-66; e-mail: fiop_urgtu@mail.ru